

Белла Остромоухова

Larissa Zakharova. De Moscou aux terres les plus lointaines: Communications, politique et société en URSS. Paris: Éditions de l'EHESS, 2020. 333 pp. ISBN 9782713228513.

Белла Остромоухова, Центр исследований Центральной и Восточной Европы (Eur'Orbem), Университет Париж IV Сорбонна. Адрес для переписки: UMR Eur'Orbem, 9 rue Michelet, 75006, Paris, France. ostrob@gmail.com.

Книга Ларисы Захаровой «От Москвы до самых до окраин: Коммуникации, политика и общество в СССР» – наглядный пример того, как благодаря удачно выбранному ракурсу историк может охватить огромное количество тем, а также показать логику и динамику самых разнообразных экономических и социальных изменений. Исследовательница уже продемонстрировала такой подход в своей предыдущей монографии «Одеваться по-советски: Мода и оттепель в СССР», написанной на основе ее кандидатской диссертации. Сфокусированная на феномене моды в период хрущевской оттепели, та работа позволила взглянуть и на множество акторов, задействованных в советском текстильном производстве, с их зачастую противоречивыми интересами и многочисленными техническими ограничениями, и на потребителей моды – обычных советских людей, вытачивавших собственный стиль из того, что было доступно и что им самим казалось уместным и красивым (Zakharova 2011). Такой подход, предполагающий работу как с архивными документами, так и с личными архивами и биографическими интервью, позволил с тонкостью показать, что в рамках плановой экономики сосуществовали самые разные логики действия, некоторые из которых были открыты западным веяниям. В свою очередь, советские люди очень по-разному усваивали, толковали, воспроизводили или пересматривали бытующие нормы, а именно – в зависимости от социального положения, образования, доступа к определенным культурным и материальным благам.

Книга о коммуникациях, суммировавшая работы исследовательницы последующих лет, продолжает вырисовывать динамичную и многогранную картину взаимоотношений государства, индустрии, техники и общества, охватывая на этот раз весь советский период. Ее центральный вопрос – как советская модерность формировалась под влиянием разных форм коммуникации (почта, телеграф, телефон), развивавшихся в обход свойственных советской экономике и индустрии трудностей и ограничений, и каким образом эта модерность отражалась на субъективностях граждан. Открывается монография парадоксом: тогда как прогресс в виде борьбы с безграмотностью и электрификацией всей страны был краеугольным камнем ленинского видения советского государства, телефон – как логичное продолжение проникновения прогресса в отдаленные города и сёла – так и не стал общедоступным в сельской местности вплоть до 1990-х годов. Расхождение замыслов и практик, а также отпечаток этого расхождения на обществе – таков лейтмотив книги.

Первая часть посвящена тому, как средства коммуникации выражали стремление властей к контролю над территорией страны и моделированию общества. Развитие телеграфных, а затем телефонных линий и почтовой сети подчинялось прежде всего нужде властей быстро и безопасно передавать приказы из центра на места, а доклады и отчеты – с мест в центр. По этой причине, несмотря на дерзкий проект модернизации всего общества, включая население сельской местности и удаленных городов, централизованную сеть коммуникаций, унаследованную от царской России, большевики развивали по той же схеме. Между тем Захарова показывает, что решения о развитии технических средств связи принимались не только на уровне политической власти и не являлись линейными. Маршруты коммуникационных путей были результатом дискуссий и споров между разными акторами – например, теми, кто исходил из коммерческой логики о невыгодности точек связи в малонаселенных районах, и теми, кто защищал возможность доступа к связи как важную составляющую государственных услуг. Использование того или иного телекоммуникационного оборудования – замена ручных телефонных станций на автоматические, импорт или производство в СССР той или иной модели АТС, более громоздкой или более легкой, переносной и гибкой – также было результатом как политических решений, так и влияния отдельных инженеров, их профессиональных связей, а также ограниченных возможностей планового производства. Анализ каналов заимствования западных технологий и «ретро-инженерии» (наблюдение за зарубежным производством и попытка воссоздать технологии на отечественных заводах) позволяет пролить свет на специфику циркуляции идей и технических навыков между СССР и внешним миром как в довоенный, так и в послевоенный и послесталинский периоды. Необходимость передавать секретную информацию также оставила отпечаток на развитии средств коммуникации, так как «политэкономика секретности» опиралась на линейное видение технического прогресса и усиливала централизацию каналов коммуникации.

Во второй части Захарова анализирует, как коммуникации влияли на общество, получавшее возможность удаленного общения, пусть и ограниченную цензурой и контролем. Неравный доступ к средствам коммуникации увеличивает также социальное и географическое неравенство. Так, телефоном пользуются в основном горожане, а его наличие обусловлено социальным или политическим статусом. В свою очередь, почта остается главным средством массовых коммуникаций до конца существования Советского Союза: благодаря обмену письмами общественная связь поддерживается во времена высокой мобильности населения (в частности, в годы Великой Отечественной войны), в ходе массовых переселений народов, а также в контексте оттока деревенских жителей в города начиная с конца 1950-х годов. Тем не менее социализация на расстоянии сопряжена и с опасностью распространения критических настроений или просто слишком свободного общения. По этим причинам переписка была предметом надзора со стороны властей, неустанно оттачивавших и рационализировавших унаследованные от Российской империи инструменты перлюстрации.

Третья часть книги посвящена эпистолярным практикам советских граждан. Опираясь на послания во власть, ставшие каноническими примерами советских

писем (Fitzpatrick 1996; Лившин, Орлов и Хлевнюк 2002; Nérard 2004), на переписку между армией и тылом во время Первой мировой войны (Голубев и Ушакин 2016), а также частные архивы, и в том числе на свой собственный семейный архив, Захарова показывает, каким образом в этих посланиях переплетаются регистры личного и общественного. То, как автор письма выражает свою субъективность (высказывается ли он как индивидуальная личность, выражая свои частные переживания и ощущения, или как часть советского общества, служащая рупором для выражения повестки государства и партии), прибегает ли к пропагандистским клише, вплетает ли в собственный нарратив элементы массовой культуры, – все это зависит от социальной траектории автора, от его отношений с адресатом письма, от прагматики общения, от физического формата письма или открытки и т. д. Анализ писем позволяет показать, что советские субъективности выражаются не только с помощью ассимиляции «большевистского языка» или отождествления своих целей с общественными, но также через усвоение и воспроизведение норм и культурных кодов.

Таким образом, выбранный ракурс позволяет Захаровой внести свою лепту сразу в несколько дисциплинарных дискуссий. С историографической точки зрения, она – яркая представительница когорты исследователей, продлевающих и расширяющих ревизионистский подход к советской истории, в рамках которой «винтики системы» наделены агентностью, позволяющей им не только выкраивать собственный путь в имеющейся системе, но и изменять контуры этой системы на своем уровне. При этом советские нормы и практики не всегда воспринимаются как нечто внешнее, чему можно научиться и что можно использовать в корыстных целях – как «большевистский язык» в книге Стивена Коткина «Магнитная гора: Сталинизм как цивилизация» (Kotkin 1997). Это скорее настолько усвоенные элементы, что они являются и неотъемлемой частью субъективности актора, и объединяющим звеном при общении на расстоянии, позволяющим сохранить общность и связь.

Рассмотрение советской модерности как вписанной в общемировой процесс развития коммуникаций в контексте построения эффективной системы власти, постоянных оглядок на военные нужды и развития мобильности населения позволяет Захаровой не противопоставлять две враждебные системы производства – западную и советскую, а указывать на мостики, по которым между ними проходил обмен информацией, заимствование опыта и его адаптация к местным реалиям. Средства коммуникаций развиваются, – не заменяя друг друга в линейном порядке, как это представлялось приверженцам технического прогресса, а наслаиваясь друг на друга, – следуют за развитием общества и участвуют в этом развитии. Кроме того, трансформируются и советские субъективности. На примере развития коммуникаций Захаровой удалось показать, что «большевистская концепция» современности не была статичной, а развивалась во времени и очень разнилась в пространственном измерении (Крылова 2016).

Особенное внимание Захаровой к влиянию технических приборов и материальных носителей отчасти вписывает эту работу в поле исследований науки и технологий, весьма нетипичное для работ, посвященных СССР. Такой ракурс позволя-

ет посмотреть на «советскость» с практической точки зрения: повседневность граждан страны определялась не только идеологическими установками или тем, как они воплощались в жизнь чиновниками. Технические возможности и ограничения существующего оборудования также отчасти формировали практики людей, внедрялись в их повседневность и структурировали их субъективности. Внимание к тому, кто, как и почему производит и вводит в обиход определенный тип оборудования и как оно используется потребителями, позволяет осветить измерение повседневности, которое обычно упускается из вида – не идеологическое, не человеческое, а чисто техническое.

На протяжении всего повествования в книге Лариса Захарова постоянно меняет ракурс, переходя от анализа глобальных экономических и социальных процессов к биографиям отдельных людей, повлиявших на то или иное изменение. Такой внимательный к техническим деталям и обычным людям подход придает исследованию живость и яркость. Монография будет интересна студентам и исследователям, интересующимся повседневностью социалистических стран, развитием коммуникаций в XX веке, а также формированием и эволюцией советских субъективностей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Крылова, Анна. 2016. «“Советская современность”: Стивен Коткин и парадоксы американской историографии». *Неприкосновенный запас* 4. https://www.nlobooks.ru/magazines/neprikosnovenny_zapas/108_nz_4_2016/article/12105/.
- Лившин, Александр, Игорь Орлов и Олег Хлевнюк. 2002. *Письма во власть, 1928–1939: заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и советским вождям*. М.: РОССПЭН.
- Ушакин, Сергей и Алексей Голубев. 2016. *XX век: письма войны. Антология военной корреспонденции*. М.: Новое литературное обозрение.
- Fitzpatrick, Sheila. 1996. “Suplicants and Citizens: Public Letter-Writing in Soviet Russia in the 1930s.” *Slavic Review* 1(55):78–105. <https://doi.org/10.2307/2500979>.
- Kotkin, Stephen. 1997. *Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization*. Berkeley: University of California Press.
- Nérard, François-Xavier. 2004. *5% de vérité: La dénonciation dans l'URSS de Staline, 1928–1941*. Paris: Tallandier.
- Zakharova, Larissa. 2011. *S'habiller à la soviétique: La mode et le Dégel en URSS*. Paris: CNRS Éditions.